

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-5-66-84

Быт императорского двора, вопросы нравственности и благотворительность в культурной политике Елизаветы Петровны

Ирина М. Чирскова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, im-chir@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена культурной политике императрицы Елизаветы Петровны. В ней анализируются законодательные акты, регламентирующие быт, прежде всего, императорского двора, а также посвященные вопросам нравственности и благотворительности.

Обстоятельства прихода Елизаветы к власти (первый в истории России переворот, свергнувший с престола здравствовавшего императора), сомнительность ее прав на трон (наличие двух наследников мужского пола: Ивана Антоновича, единственного мужчины старшей ветви Романовых, и племянника Елизаветы – сына ее старшей сестры, имевшего больше прав на престол по завещанию Екатерины I) вынудили императрицу организовать своеобразную пропагандистскую кампанию по легитимизации своего положения.

Культурная политика Елизаветы, среди прочего, была направлена на конструирование образа истинно русской государыни. Величием по отчеству подтверждалось родство, «по близости крови», с Петром Великим. Обращение к национальным традициям и подчеркнутая религиозность, забота о христианской нравственности подданных, призрение инвалидов и нуждающихся помогали императрице дистанцироваться от так называемого немецкого наследия, столь чуждого русским, и получить дополнительные дивиденды в глазах общественного мнения.

Ключевые слова: культурная политика, законодательство Российской империи, придворная культура, нравственность, благотворительность

Для цитирования: Чирскова И.М. Быт императорского двора, вопросы нравственности и благотворительность в культурной политике Елизаветы Петровны // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 66–84. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-5-66-84

© Чирскова И.М., 2019

The life of the imperial court,
questions of the morality and the charity
in the cultural policy of Elizabeth Petrovna

Irina M. Chirskova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
im-chir@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the cultural policy of the Empress Elizabeth Petrovna. It analyzes the legislative acts regulating the life of the imperial court, first of all, as well as the issues of the morality and charity.

The circumstances of the coming to power of Elizabeth (the first coup in the history of Russia that overthrew the Emperor in the prime of life from the throne), the doubtfulness of her rights to the throne (the presence of two male heirs: Ivan Antonovich, the only man of the seignior branch of the Romanovs, and Elizabeth's nephew, the son of her elder sister, who had more rights to the throne under the will of Catherine I) forced the Empress to organize a kind of propaganda campaign to legitimize her position.

Among other things, the cultural policy of Elizabeth was aimed at constructing an image of her as a truly Russian sovereign. The kinship of the Empress with Peter the Great was confirmed by the addressing with the patronymic, "by the proximity of blood". The appeal to national traditions and underlined religiosity, the care for Christian morality, the charity of the disabled and needy people helped the Empress to distance herself from the so-called "German heritage" so alien to the Russians, and to receive additional dividends in the eyes of public opinion.

Keywords: cultural policy, legislation of the Russian Empire, court culture, morality, charity

For citation: Chirskova IM. The life of the imperial court, questions of the morality and the charity in the cultural policy of Elizabeth Petrovna. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;5:66-84. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-5-66-84

Приход дочери Петра к власти был встречен с большим энтузиазмом. Оды М.В. Ломоносова – яркое тому подтверждение. Именно в этот период жанр оды достигает своего расцвета и становится литературным отражением эпохи.

Представление о царствовании Елизаветы Петровны в отечественной историографии сложилось под влиянием С.М. Соловьева, определившего переворот 1741 г. как возвращение к принципам Петра и торжество национальной идеи. Не останавливаясь на

культурных процессах, историк ставил в заслугу императрице развитие русского языка и литературы, появление журналов, создание университета, русского театра и освоение новых территорий [1 с. 605–608].

Вслед за великим русским историком правление Елизаветы определяли как возвращение «к национальной политике», считали императрицу наиболее законной «из всех преемников и преемниц Петра I», а ее царствование – «счастливым» [2 с. 583, 3 с. 312].

В советское время бытовало мнение о расточительстве, необразованности, ветрености и небольшом уме императрицы, что в значительной степени опровергается мемуаристами [4, 5 с. 51, 76, 6 с. 99–100].

Елизавета Петровна, «немка» по матери, рожденная до законного брака, «привенчанная» дочь Петра I, совершившая первый в истории России переворот, свергнувший с престола здравствовавшего монарха, именно отчеством стремилась подчеркнуть легитимность прихода к власти. Она понимала всю зыбкость своего положения, поэтому была организована беспрецедентная «пропагандистская» кампания для убеждения «в законности власти» и «в непреложности ее прав на престол». В полной мере справедливым можно признать утверждение, что основой «идеологической доктрины» царствования стала «канонизация Петра Великого» и «крайне негативная оценка» предшествовавших правлений (1727–1741 гг.) [7 с. 44].

Политические амбиции, бытовые и эстетические предпочтения императрицы, и даже женские слабости, находили отражение в придворной культуре, которую стремилось «копировать» и в разной степени «тиражировать» русское дворянство. Личные пристрастия, не меняя стратегического направления, влияли на архитектуру, живопись, книжный и театральный репертуар, поведенческие стереотипы, культуру повседневности и внешний облик подданных, формировали специфику культурной политики елизаветинского царствования.

«Открестившись» от так называемого немецкого наследия, елизаветинский двор провозгласил себя русским, но взоры свои направлял и в сторону Франции, столь милой его хозяйке. Дворцовая культура причудливым образом сочетала европейскую пышность с русскими традициями, балы и маскарады со святочными гаданиями, катанием с гор, масленицей и чесанием пяток. Религиозность императрицы, многочисленные пожертвования церковным учреждениям и монастырям, почитание православных святых, забота о нравственности подданных и т. п. подчеркивали принадлежность Елизаветы к культуре национальной, близость к своему народу.

Законодательным путем определялись параметры дворцовой культуры: организация внутренней жизни, одежда придворных, право содержания экипажей, правила проведения торжественных мероприятий и пр.

В манифесте о вступлении на престол императрица вынуждена была обосновывать законность прихода к власти. Документ подчеркивал, что вместо малолетнего наследника императрицы Анны управление осуществляли «разные персоны», что привело внешне и внутренние дела государства в состояние «беспокойства и непорядка». Поэтому «верные подданные» и гвардия «всеподданнейше и единогласно Нас просили» для пресечения «происшедших и впредь опасных беспокойств и беспорядков», и по «законному праву, по близости крови» и по «единогласному прошению» принять престол. К Манифесту прилагалась форма клятвенного обещания (с целованием креста) «верным, добрым и послушным рабом и подданным быть», закон «предостерегать и оборонять», не щадя «живота своего», подчиняться «инструкциям, и регламентам и указам»¹.

В тот же день был издан сенатский указ о приведении «к присяге всякого чина людей на подданство» императрице и о «переделке во всех присутственных местах печатей» на имя Елизаветы. Приведение к присяге «во всех местах всех» должно было быть осуществлено в кратчайшие сроки. Законность мероприятия свидетельствовали представители военных и «статских чинов по две персоны» и секретарь. Манифест зачитывался в церквах, где все «от 12 лет» обязывались на «присяжных листах подписываться». Подданных «иноземцов» к присяге приводили «по их законам в их церквах». Была определена форма титулов императрицы «в грамотах; докладах, челобитных, доношениях и пашпортах». Указ о коронации вновь обосновывал права императрицы, «яко по крови ближняя, на наследственный родительский» престол².

Позитивный образ власти важен для любого правителя. Елизавета Петровна в этом смысле не была исключением. Императрица, очаровательная женщина, хотела иметь и лучшие ткани, запретив продажу «парчей и прочих золотых и серебряных материй, не объявляя Ея Величеству»³. Специальная комиссия занималась приготовлением «вещей коронации», важнейшего мероприятия для любого правителя⁴. Правительница была разгневана

¹ ПСЗ I. Т. XI. № 8473.

² Там же. № 8474, 8475, 8495.

³ Там же. № 8524.

⁴ Там же. № 8538.

появлением портретов ее и наследника, исполненных «неискусным мастерством». Они, по ее мнению, были «нимало несходны». Елизавета приказала учинить «розыск» и «сбор» «показанных листов». По аналогии с петровским указом 1723 г., «листы» и «доски, которыми те листы» печатались, были «запечатаны» и переданы в Сенатский архив. «Писать неискусным мастерством портреты высочайшей фамилии» строжайше запретили, для надзора определили «совершенно искусного» мастера, а «смотрение» за столичными живописцами было поручено художнику И. Вишнякову⁵.

Через три года, в 1747 г., было вновь повторено запрещение, под угрозой «наижесточайшего истязания без всякой пощады», писать «худым мастерством и неистовую работою высоких портретов». За образец для тиражирования был принят портрет, созданный по заказу императрицы живописцем Академии художеств И. Соколовым, вырезанный на меди «самым добрым и чистым мастерством». Подтверждались и полномочия И. Вишнякова⁶.

Цесаревной Елизавета Петровна пережила немало тяжелых минут, поэтому, вступив на престол, всячески стремилась избегать негативных впечатлений. Она повелела «никому в траурной одежде и в траурных экипажах» не приезжать ко двору⁷. Императрица, особенно во вторую половину жизни, болезненно реагировала на любое нарушение покоя. Специальным именным указом было запрещено проносить покойников мимо Зимнего дворца, а кучерам – хлопать бичами⁸.

Атрибуты предшествующего царствования вымарывались из памяти подданных. Хотя правительница, «по природному» к «верноподданым матернему милосердию», и утвердила чины, ордена и денежные награды, розданные при Иоанне Антоновиче, она, ссылаясь на практику «родителя», прекратила выплату назначенных в этот период «пенсионеров и сверх надлежащих окладов, прибавочного жалования»⁹. Законность завещания Анны Иоанновны и последующая присяга подверглись сомнению. Присяжные листы, «на верность подданства принцу Иоанну», «яко неправильно учиненные», приказали «с барабанным боем публично сжечь». «За обширностию» империи потребовали и «из дальних мест» такие листы прислать и уничтожить¹⁰. «Для известного в титулах исправления»

⁵ ПСЗ I. Т. XII. № 8912.

⁶ Там же. № 9381.

⁷ Там же. № 9043.

⁸ Там же. Т. XIV. № 10486; Т. XV. № 11059.

⁹ Там же. Т. XI. № 8496.

¹⁰ Там же. № 8641.

«в церковных и гражданских книгах», напечатанных в правления Бирона и Анны Леопольдовны, их потребовали «собрать в одно место» и, «по переправлении», обещали вернуть владельцам «без всякого за то платежа». Закон предупреждал, что, в случае слушания, «каждый без всякого упущения штрафован будет». Из отдаленных мест книги «при первых оказиях» должны были отправляться, «куда надлежит», а после исправления возвращались владельцам, «чтоб никто убытка не понес»¹¹.

Отчеканивались червонные монеты с императорским «портретом и гербом», «весом и пробойю против голландских»¹². Впоследствии были изъяты из оборота и переданы на монетный двор для переделки серебряные «рублевики» с изображением Анны Иоанновны и литерой «F» на обороте¹³.

Наследником русского престола был провозглашен Петр, «владельтельный герцог Шлезвиг-Голштинский», крещенный по православному обряду и приобщенный «Святых тайн». Прилагалась «форма клятвенного обещания в верности» «законному» наследнику¹⁴.

Подданные информировались о важнейших событиях: обручении наследника «с принцессою Ангальт-Цербскою»; царских «милостях народу» по случаю окончания войны со шведами; службах «в монастырях и пустынях за здравие» Екатерины в дни ее «рождения и тезоименитства»; рождении «первородного сына» великокняжеской четы; «произведении пушечной пальбы» в честь празднования дня рождения Павла Петровича и их общего с отцом «тезоименитства»¹⁵.

Однако не всякая информация о жизни двора допускалась к печати. Так, Академия наук получила выговор за появление в русских газетах сведений о «пожалованных в чины», поездках императрицы, псовой охоте с ее участием и пр. «Подобных тому артикулов» не должно было появляться «без Высочайшей апробации»¹⁶. Именно императрица, и только она, определяла границы дозволенной гласности. Неслучайно исследователь придворной цензуры С.И. Григорьев назвал указ «первым в российском законодательстве актом, регламентирующим процессы создания и репрезентации образа Верховной власти отечественными частными источниками информации» [8 с. 40].

¹¹ ПСЗ I. Т. XI. № 8648.

¹² Там же. № 8705.

¹³ Там же. Т. XV. № 11103.

¹⁴ Там же. Т. XI. № 8658, 8660.

¹⁵ Там же. Т. XII. № 8983, 8992, 9047; Т. XIV. № 10307, 10322 и др.

¹⁶ Там же. Т. XIII. № 9903.

Двор Елизаветы Петровны демонстрировал не только «русскость» и близость подданным, но и своеобразную открытость по отношению к иностранцам, прибывавшим в Россию. Придворные сады по четвергам (во время нахождения императрицы в столице) и по четвергам и воскресениям (в ее отсутствие) были открыты «для гуляния», в эти же дни зимний сад посещали «генералитет, послы и чужестранные министры». Указ подробно перечисляет состав возможных посетителей. Был разрешен и допуск «в третий сад по воскресениям и четвергам» «Послов, чужестранных Министров и здешний Генералитет до Бригадирского чина, и дам»¹⁷.

Законодательно определялись и некоторые правила придворных мероприятий. Так, Елизавета, очень любившая маскарады, предписала быть на них «в хорошем и негнусном платье, а в телогреях и полшубках и кокошниках не ездить»¹⁸, чтобы не оскорблять взор императрицы. Главная полицмейстерская канцелярия обязывалась следить, чтобы не носились ливреи, «сходные с ливреею Императорского Двора»¹⁹.

На высший законодательный уровень поднимались и частные вопросы придворного быта: «о привозе из Астрахани» к двору «разных фруктов», «о поставке по Астраханскому тракту подвод и лодок» для этой цели; о сыске в Казани и доставке ко двору «самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей»²⁰ [9 с. 642–643]. Указы о «кошачьей службе» при дворе повторялись и в 1750-е гг., однако в Полное собрание законов Российской Империи они не вошли.

Позиционируя себя наследницей отца, императрица заботилась об увековечении его памяти сознанием «монумента мозаичной работы над гробом» Петра Великого. Указ констатировал, что «мозаичная работа в великом почтении и сама собою Империи славу приносит», а прежде чем взяться за создание монумента, «да еще во время славного Государствования Великой Его Дщери», необходимо «мнения собрать» «ученых и искусных людей». К обсуждению были привлечены представители Академии художеств при Московском университете, Академии наук, которым предстояло «мнению собрать, и разсуждая об оных обще» представить «немедленно» Сенату²¹. Именно в это время, благодаря усилиям М.В. Ломоносова, монументальная мозаика стала ярким явлением

¹⁷ ПСЗ I. Т. XIV. № 10560, 10573.

¹⁸ Там же. Т. XI. № 8827.

¹⁹ Там же. Т. XIII. № 10040.

²⁰ Там же. Т. XI. № 8598; Т. XII. № 9186.

²¹ Там же. Т. XV. № 11130; Там же. Примечания к указу.

отечественной культуры. К сожалению, основанная им в 1748 г. первая русская мозаичная фабрика вскоре прекратила свое существование. «Преемственной школы» не было, а все созданное в этой сфере – «исключительно личная заслуга Ломоносова и только этому замечательному самородку принадлежит честь исполнения лучших русских мозаик» [10 с. 18].

Елизавета Петровна, как и ее предшественники, пыталась посредством законов конструировать внешний облик подданных, аргументируя необходимость изменений государственной и личной пользой. Через год с небольшим после прихода к власти она издала указ, по сути своей ограничивавший роскошь. Это не было законодательной новацией, документ опирался на акты предшественников. Подданным предлагалось отказаться «от делания чрез меру богатого платья и содержания богатого ж экипажа». Цитируя петровский указ: «золота и серебра пряденаго и волоченаго не носить и нигде не употреблять» «под великим штрафом», императрица сетовала на невыполнение законов. Она отмечала, что люди не только «знатного достоинства», но и те, кто «никаких рангов не имеют», в желании «нарядными себя показать», «носят пребогатя» одежды, разоряются и «в крайние убожества впадают». Запрет был подтвержден, уже имевшееся дорогое платье потребовали «заклеймить». Исключение сделали для «военнослужащих, строевого мундира» и «чужестранцев». За одежду «без клейма» взимался штраф. Наказание было дифференцировано: с «обретающихся в рангах» брали годовое жалованье, «кои рангов не имеют» – оплачивали стоимость платья. Закон предписывал для «первых пяти классов» – одежду из тканей не дороже четырех рублей за аршин, и «не употреблять» «тянутаго и пряденаго золота и серебра». Соответственно представителям шестого-восьмого классов – «иностранные шелковые парчи носить не свыше 3-х рублей», а «прочим» и «которые никаких рангов не имеют» – не дороже 2-х рублей. Женщины обязывались «шелковое платье носить по рангам мужей их». Не имевшим рангов запрещалось «подбоев шелковых» под платье «класть» и носить бархат. На отечественные ткани распространялись те же правила. Производство их поощрялось, Мануфактур-коллегия обязывалась «прилежнейшее старание иметь», чтобы на российских мануфактурах «шелковых парчей» «делано было с довольством, и добротой против иностранных» и впоследствии можно было бы «довольствоваться своими», а не импортными тканями. Иностранцам разрешили «вывезть» «беспошлинно» недозволенные товары, русским купцам – «продавать, только на одне церковныя потребы». Елизаветинский указ запретил

употребление «золотых и серебряных материй», «позументы» же могли носить «одни в войске служащие на строевом платье, кому какое указом поведено». Производство было ограничено количеством, необходимым на позументы и на церковные нужды, чтобы «в убыток не входило».

Вторым объектом, приносившим «невозвратный убыток», были признаны «заморския нитяные кружева», качественные, дорогие и недолговечные. Их предписали «кроме первых пяти классов, отнюдь никому не носить». Определялась ширина кружевного украшения – «не выше трех пальцев». Имевшиеся «кружевные уборы» повелели, как и одежду, клеймить («вместо сургучевых печатей класть печати таких чернил, чтоб она вымыться не могли»). Иностранцы могли вывезти свой товар, русские, – «запечатать на обоих концах», «допродать» в течение года²².

В 1743 г. появился указ, подтвердивший прежние распоряжения, поданным «кроме духовных чинов и пашенных крестьян», носить немецкое платье, «бороду и усы брить», русское платье и черкесские кафтаны и «прочих неуказных уборов отнюдь никому не носить, и в рядах не торговать под жестоким наказанием». «Раскольникам и бородачам, какого бы звания они ни были», носить «указное раскольническое платье», чтобы они «ни под каким предлогом нигде прикрыться, и от платежа положенных с них денег минут никак не могли». Появившихся в присутственных местах в неуказном платье, как и по петровскому закону 1722 г., приказали ловить и отправлять в «Раскольническую контору», взяв штраф. Государственные служащие, в случае упущения нарушителей «без привода, для положения в оклад, и штрафа», подлежали суду «яко не исполнители» указа²³.

Однако бытовые традиции допетровской эпохи были живы и в елизаветинское царствование. Указ 1748 г. констатировал, что «многие разных чинов люди», «упрямством своим ходят в неуказном платье и носят бороды», и, несмотря на то, что «к пресечению и истреблению и приводятся», пренебрегают законом. В «Малой России, яко-то с Греки и Поляки» на ярмарках даже торговали русским платьем, несмотря на штрафы. Сенат подтвердил право «губернаторов и воевод и прочих управителей» штрафовать нарушителей. Сбор же с «раскольников и бородачей» был прерогативой Раскольнической конторы. Указ вновь подтвердил «смотреть накрепко», чтобы никто «опричь священнаго и церковнаго причта и крестьян, в неуказном платье не ходили и бород не носили» под

²² ПСЗ I. Т. XI. № 8680.

²³ Там же. № 8707.

угрозой штрафа. Представители администрации, «ежели кто в том слабо поступать станет», «будут штрафованы неотменно»²⁴.

«Веселая» императрица не забывала и о досуговой культуре. Посетители дворцовых садов должны были быть опрятно одеты, «а кои будут неопрятны», если «волосы не убраны, платки на шею и в сапогах, также в серых кафтанах и из купцов с бородами, а женщины – в Русском платье, в чепчиках и в прочих подобных простых платьях отнюдь не пущать». Волновало Елизавету и содержание «качелей в исправности», так как ей стало «не безызвестно», что некоторые из них «весьма худы, так что людям чинят немалыя повреждения». Поэтому полиция обязывалась «наипрежнейше» «наблюдать» и все качели «осмотреть»²⁵.

Императрица, большая любительница драгоценных камней, заинтересовалась находками на Урале возле деревни Корниловой. Она приказала «запретить накрепко, чтобы из партикулярных людей» камни «никто на себя и для других не добывал» и приставить «горного инженера» для контроля за добычей и отсылкой камней в Петербург²⁶. Через 13 лет «для государственной пользы и славы» М.В. Ломоносов предложил целую программу по добыче золота и других полезных ископаемых в стране. Ученый планировал «сочинить» книгу и «в печать издать под именем Российской Минералогии», а также «обучить» науке и «Пробирному делу» «понятных молодых людей», знающих арифметику и геометрию. Указ повелел «дать» Ломоносову из «гарнизонных школьников 12 человек», а из академической канцелярии выдавать им «жалованья по одному рублю на месяц»²⁷.

Возвращение к национальным традициям, провозглашенное культурной политикой Елизаветы Петровны, предполагало соблюдение христианских заповедей и чистоту брачных отношений. Не допускалось супругам «жить порознь после бракосочетания», «под опасением епитимии прелюбодеяния», что касалось и прежде заключенных браков. Недействительным был признан брак, заключенный «80-летним стариком». Законодательно подтверждалось, что «неправильность брака» устанавливалась «только на основании Священного Писания», а духовник императрицы Федор Дубянский известил Синод, что браки между кумовьями (что не дозволялось правилами) могли быть ликвидированы только по предварительному докладу императрице.

²⁴ ПСЗ I. Т. XII. № 9479.

²⁵ Там же. Т. XIV. № 10560; Т. XV. № 11045.

²⁶ Там же. Т. XII. № 9489.

²⁷ Там же. Т. XV. № 11292.

Одноворцам, моложе «положенных по правилам» лет, запретили вступление в брак, церковников же увещевали не «брать за венчание излишних денег»²⁸.

В связи с обнаружением в Гостином дворе Петербурга железных табакерок, на крышке которых был «намалеван пасквиль», «с надписью на английском языке» «неприличных разговоров», была запрещена продажа «табакерок и прочих вещей с пасквильными фигурами». Из нравственных же соображений сенатский указ запретил ввоз в Россию «фарфоровых и прочих вещей с изображением страстей Спасителя и Святых угодников», чуждых православной традиции²⁹.

«Имея матернее попечение о благополучии подданных», правительница пожелала оградить их «от ябедников, которые, не страшась суда Божия, всякие вымыслы противу правды» стремились «употреблять». У «виноватых» «движимое и недвижимое имение» могло быть «отписано» на имя императрицы³⁰.

На законодательном уровне старались искоренить несообразные с современными культурными представлениями устаревшие традиции. Один из указов, например, подтвердил прежние запреты париться «в банях людям обоего пола вместе». Полицейский прокурор по поводу инцидента, когда «в торговых банях» парились «мужеск и женск пол обще в одной бане, что весьма противно», заявил, что именно благодаря «смотрению» канцелярии и был выявлен случай нарушения. Камер-Конторе было поручено «смотреть накрепко» вкупе с полицией, чтобы впредь «того отнюдь чинено не было», в случае нарушения – «штрафовать без всякия пощады». Но и в 1760 г. были нарушения, поэтому новый указ запретил даже «входить в торговые бани мужескому и женскому полу вместе», во избежание «излишней из казны траты денег» потребовал не увеличивать «число торговых бань»³¹.

Императрицу, поборницу благочестия, беспокоило распространение по империи «непотребных жен и девок», о месте пребывания которых стало известно из показаний «пойманных сводниц и блядей». «Тех кроющихся непотребных жен и девок, как иноземок, так и русских», приказано было «сыскивать» «и сводниц», «разведывая оных, ловить и приводить» в полицию, а оттуда в комиссию «в Калинкинской дом». Закон потребовал, «чтобы честным домам и людям насильств, обид и приметок никаких не

²⁸ ПСЗ I. Т. XII. № 9052, 9087; Т. XIII. № 10028, 10050; Т. XIV. № 10676.

²⁹ Там же. Т. XI. № 8693; Т. XIII. № 9803.

³⁰ Там же. Т. XIII. № 9989.

³¹ Там же. Т. XI. № 8842; Т. XV. № 11094.

чинили», чтобы обитатели «непотребных пристанищ, ничем ни до кого не касались»³².

Как и предшественники, императрица продолжала борьбу с нищенством. Заботясь о порядке, она одновременно думала о благотворительности и экономии государственных средств. Указ предусматривал устройство в богадельни «престарелых и дряхлых» «особливо из отставных солдат и их жен, понеже оным пропитания, кроме богаделен, получить уже негде». Их размещали на места, которые освобождались от способных к самообеспечению. Нищие «из помещиковых и из купецких людей» отсылались для пропитания по принадлежности к помещикам и в Магистрат³³.

Культура досуга также регламентировалась на законодательном уровне. «По прошением» петербургских «обывателей» были разрешены «для увеселения честных компании и вечеринки с пристойною музыкаю», но с обязательством, «что при тех вечеринках никаких не порядков и противных указам поступков, и шуму, и драки не происходило». Потребовали, чтоб «на Русских Комедиях» в платье, «касающееся до духовных персон», не наряжались. И «в прочем, приличном к Комедиям», ни в каком наряде «не ходили и не ездили» по улицам³⁴.

Елизавета Петровна неоднократно подтверждала прежние указы о «запрещении картежной разорительной игры». Указ 1747 г. перечислял наказания, предусмотренные петровскими законами: за первое нарушение – штрафы; за второе – еще и месячное тюремное заключение; за третье – «поступать жесточае», «смотря по важности дела». Ссылаясь и на последующие законы, документ вновь повторил запрет любых игр «на деньги, или на какие вещи и пожитки» с угрозой за «богомерзкия противности» штрафовать «без всякого упущения». В 1757 г. еще раз подтвердили, чтобы воинские чины «как в гвардии, так и в армейских полках» «не играли в карты на деньги, на деревни и пожитки», за что следовало наказание «по законам»³⁵.

Порядок должен был неуклонно соблюдаться. В 1755 г. императрица лично распорядилась «учинить наказание плетьюми» за драку людям двух господ и вернуть их хозяевам. «В страх другим, и дабы впредь то пресечься могло», «разных чинов людям», уличенным «в мошенничестве», покупке «краденного», приказали «учинить публичное наказание» и «сослать на поселение»

³² ПСЗ I. Т. XIII. № 9789.

³³ Там же. № 9053.

³⁴ Там же. № 9824.

³⁵ Там же. Т. XII. № 9380; Т. XIV. № 10714.

в Оренбург. Заботясь о подданных, императрица запретила «за худостию льда» ездить по Неве «на лошадях», а когда будет «совершенная опасность по льду переходить», не пропускать и пеших, «учредить караул» и положить доски на лед для переправы на Васильевский остров³⁶.

В 1758 г. в очередной раз подтвердили указы о пресечении «происходящих в народе ссор, драк и всякаго насилия и своевольтв». Документ появился в связи с прецедентом в Москве, когда «господские служители» «учинили разные непристойности, шум, ссору и драку». Участник драки был наказан плетьюми и отправлен в солдаты «без зачету». Во избежание повторов, помещикам приказали следить за своими людьми и «до таких самовольств их» не допускать³⁷.

Борьба с клеветниками имела определенную правовую историю. В 1755 г. Сенат, опираясь на предыдущее законодательство, объявил «во всенародное известие» о наказании за ложные доносы. Указ появился в связи с доносом саратовского купца Семёна Свиныхина, который после опроса свидетелей «за те ложные и затайные доносы» «на страх другим таковым же ложным доносителям», был высечен кнутом и сослан на житье в Оренбург. Других ложных доносителей также приказали высечь плетьюми, штрафовать «отнятием чинов и имения». Возможные «ложные доносители» предупреждались, что впредь «за то наижесточайше будут штрафованы»³⁸.

Озаботившись охраной имущества малолетних от обманщиков, императрица в 1752 г. издала указ «О недействительности крепости и векселей, данных малолетними»³⁹.

Елизавету Петровну беспокоили ссоры и драки на спорных землях, приводившие к многочисленным человеческим жертвам. Так, в 1750 г. только после одного инцидента было забито «до смерти 26 человек». Согласно аннинскому указу 1731 г., «смертоубийцам» грозила смертная казнь, но Елизавета по «природному материнскому милосердию» приказала «заводчиков» и еще «59 человек, кои на той драке были», по жребию «каждого 20-го отослать в Рогервик в работу», остальным «всем учиня наказание, годных в службу плетьюми, а негодных в службу кнутом». Закон предупреждал, что впредь наказание будет по указу 1731 г. «без всякаго милосердия», а именно: за ссоры и драки на спорных землях – розги и ссылка на

³⁶ ПСЗ I. Т. XIV. № 10380.

³⁷ Там же. Т. XV. № 10832.

³⁸ Там же. Т. XIV. № 10458.

³⁹ Там же. Т. XIII. № 10021.

вечную каторгу, а «кто убил, тех приказчиков и старост казнить, а крестьян бить кнутом и каждого двадцатого казнить»⁴⁰.

Жестокое наказание грозило за распространение слухов о недостатке, в частности в Москве, в казне соли «для продажи в народ». Слухи распространялись перекупщиками, которые скупали соль и продавали ее по высоким ценам⁴¹.

Благодетельность была одним из обязательных атрибутов деятельности православного правителя. Елизавета Петровна, как продолжательница политики «блаженные и вечнодостойныя памяти» отца, матери и «сестры», постоянно ссылалась на указы предшественников в этой сфере. В 1742 г. обязали «престарелых и в уме поврежденных колодников для исправления принимать в монастыри по прежнему», и «довольствоваться их оставшими монашескими порциями», сменив охрану. «Дряхлых и увечных» вместо высылки из Петербурга предлагалось отдавать «в богодельни». В 1745 г. подтвердили указы (1723, 1724 гг.), предписывавшие определять «отставных, увечных и слабых солдат на пропитание в монастыри»⁴².

В 1746 г., в связи с прецедентом об убийстве человека «безумствующим» солдатом Матвеем Ивановым, отправленным для «исправления и испытания» в «Троицкой Александроневской монастырь», было принято решение «о непосылке в монастыри безумствующих для содержания и исправления». Указ констатировал, что монастырь «и ограды не имеет, и к содержанию таковых безумствующих весьма не удобен». «Для богомолья» туда приезжали «знатные персоны и прочие всякого чина люди», поэтому такого безумного «принять не возможно» из-за опасения «смертного убийства» и «другаго безчиния». В монастыри по-прежнему разрешили отсылать только «безумствующих» и «престарелых и от воинской службы отставных». Через 10 лет вопрос был поднят вновь в связи с делом юнкера Федора Ушакова, не принятого в Александров-Невский монастырь, и отправленного «для содержания и по бедности его пропитания» в Коммерц-коллегию на 2 года. Там он «неоднократно в безумии своем многие непристойные и опасные поступки чинил», поэтому было принято решение отправлять таких безумных в отдаленные монастыри «до исправления ума»⁴³.

В 1757 г. императрица вновь озаботилась, чтобы «офицеры и рядовые, по долголетней и многотрудной своей службе в походах

⁴⁰ ПСЗ I. Т. XIII. № 9932.

⁴¹ Там же. Т. XII. № 8870.

⁴² Там же. Т. XI. № 8587; Т. XII. № 9057, 9172.

⁴³ ПСЗ I. Т. XII. № 9360; Т. XIV. № 10614.

и ранах и по всегдашнем и беспрестанном беспокойствии и трудах, по отставке от оной имели покой и пропитание», поскольку были случаи непринятия отставных в монастыри, «якобы за неимением праздных мест». Подвергались они и «утеснению и неудовольствию от монастырских властей, будучи без пропитания, скитаться принуждены были». «Сожалея о таком их бедствии», императрица распорядилась в «монастыри принимать и жалованьем, призрением и покоем содержать по заслуге их в надлежащем порядке и удовольствии». О нарушениях Военная коллегия должна была докладывать императрице лично⁴⁴.

Новый порядок «управления монастырских и архиерейских имений» передавал его отставным штаб- и обер-офицерам. Расходы определялись «только по штатам». Оставшуюся сумму предписали «хранить», чтобы императрица, «ведая о числе оной, могла из того раздавать на строение монастырей». На средства монастырей, где не содержались отставные, предполагали учредить «инвалидные дома». Остаток отправлялся «в банк под процент» на содержание новых управляющих. Вскоре в Казани был учрежден инвалидный дом, куда вместо монастырей помещали отставных «штаб и обер-офицеров»⁴⁵.

В 1758 г. в связи с прецедентом с подпоручиком Григорием Мягкобрюховым, который «Петра Великого титул несправно написал», отказался переписывать «доношение», и «непристойный поступок употребил» в присутственном месте, последовал указ – отставных офицеров и рядовых, находившихся в монастырях «на пропитании», за «преступления или погрешения» судить судом гражданским⁴⁶.

В 1760 г. встал вопрос о распределении «генерально раненых и увечных и больных военно-служащих» «к делам и на прокормление». Военная коллегия сообщила Сенату, что часть отправленных «к делам» были возвращены с указанием, «будто они за увечьем к делам не способны». Коллегия, «во убежание переписок», «волокиты и затруднения», распределила отставных «по их желаниям». Однако многие, «потеряв в баталии руки и ноги, и получа от тяжких ран разные увечьи», до определенных мест «дойти не в состоянии». Сенат приказал «отставных, кои к делам и на поселение не годятся», до постройки инвалидных домов определять в богадельни. При отсутствии их «построить, без излишества» и в тех местах, «где хлеб дешевле». Помещения должны были быть «вместительны

⁴⁴ Там же. Т. XIV. № 10684.

⁴⁵ Там же. № 10765; Т. XV. № 10790.

⁴⁶ Там же. Т. XV. № 10876.

и зимою спокойны», а до постройки богаделен «дать им в городах квартиры». Чтобы содержание в богадельнях было «порядочно» и отставные «шалостей чинить не могли», определялись для надзора по одному человеку из обер-офицеров, с награждением их по «табели», «апробованной в 1731 г.». Отправлять «отставных» к месту назначения, «за множественным» их числом, предлагали партиями с должным распределением по подводам⁴⁷.

У государственной казны хронически не доставало средств и материалов для успешной реализации благотворительных акций, поэтому власть пыталась искать новые резервы. В 1747 г. «на гошпиталь» постановили отправлять «две доли» штрафов «за картежную игру». Позднее подтвердили распоряжение Петра I, чтобы «после духовных персон и раскольников оставшиеся движимыя и недвижимыя имения и за проданныя взятые деньги» «отдаваны б были на содержание гошпиталей»⁴⁸. В 1759 г. Сенат распорядился разобрать, «где в городах каменные и деревянные крепостные строения, яко то башни и прочее обвалились», или «в такую ветхость пришли, что от падения их людям опасность есть», не подлежащие ремонту и не находившиеся в ведомстве фортификации. Кирпич – отправить на починку казенных церквей и богаделен, а дерево – на дрова «или куда за благо рассуждено будет»⁴⁹. А в 1760 г. сенатским указом была учреждена государственная лотерея, деньги от которой направлялись «для содержания отставных и раненных обер- и унтер-офицеров и рядовых». В Петербурге, Москве, Риге, Ревеле, Кенигсберге учреждались особые «конторы лотереи». Дома, где проводилась лотерея, охранялись от нежеланных посетителей «всякого подлаго народу», чтобы «всякие беспорядки» «предупреждены и отвращены были». К указу прилагался специальный план, определявший условия и порядок проведения лотереи. Иностранцы, желавшие принять в ней участие, могли обращаться к послам, посланникам и поверенным в делах России за рубежом. Стоимость одного билета определялась в 11 рублей, а первый розыгрыш намечался на август 1761 г.⁵⁰

В культурной политике Елизаветы Петровны значительное место занимало обоснование прав на престол и возвращение к русским традициям. Это нашло определенное отражение в придворной культуре, повлияло на регламентацию быта, проявилось в указах, посвященных проблемам нравственности и благотворительности.

⁴⁷ ПСЗ I. Т. XV. № 11096.

⁴⁸ Там же. Т. XII. № 9380; Т. XIV. № 10588.

⁴⁹ Там же. Т. XV. № 10949.

⁵⁰ ПСЗ I. Т. XV. № 11083.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что культурная политика елизаветинского времени была неотъемлемой частью общего правительственного курса и находилась в полном подчинении задачам, стоявшим перед властью, нуждавшейся в культурной поддержке своих начинаний. В конструировании образа императрицы законодательству отводилась особая роль. Здесь она предстает истинно русской государыней, наследницей Великого Петра, опиравшейся на национальные традиции, православную веру, проповедовавшей порядок и христианскую нравственность, заботившейся о призрении «генерально раненых», «дряхлах и увечных». Этому же способствовал и церковный амвон, главная публичная трибуна того времени. С него в средю малограмотного и безграмотного населения изустно объявлялись правительственные указы и распоряжения, информация о важнейших событиях жизни государства и императорской семьи, сообщения о благодеяниях власти и пр. Указы, затрагивавшие те или иные вопросы культуры, нередко опирались на опыт предшественников, что свидетельствует, с одной стороны, о преемственности законодательной практики, а с другой – о сложности решения поставленных в документах проблем, или о неисполнении предыдущих распоряжений.

Литература

1. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. XII: История России с древнейших времен. Т. 23–24 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. 688 с.
2. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
3. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В.Л. Янина, послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. М.: Мысль, 1989. 398 с.
4. Записки придворного брильянтщика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. // Русская старина. Т. I. Вып. 1–6. СПб.: печатня В.И. Головина, Владимирская, д. № 15, 1870. С. 41–127.
5. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / Пер. с англ. Е.П. Карновича, ред. изд., и примеч. С.Н. Шубинского. СПб.: Издание книгопродавца Я.А. Исакова, Типография Скарятина, 1874. 298 с.
6. *Миних Б.-Х.* Записки фельдмаршала графа Миниха / Пер. с фр. Редакция издания и примечания С.Н. Шубинского. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1874. 406 с.

7. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.
8. *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007. 408 с.
9. Указ о высылке ко двору котов. 1745 г. / Сообщ. А.Г. Пупарев // Русская старина. Т. III. Вып. 1–6. СПб.: печатня В.И. Головина, Владимирская, д. № 15, 1871. С. 642–643.
10. *Врангель Н.Н.* Императрица Елизавета и искусство ее времени (по поводу выставки «Ломоносов и Елизаветинское время») // АПОЛЛОН. 1912. № 7. С. 5–21.
11. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XI–XV. СПб.: печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

References

1. Solov'ev SM. Collected works: In 18 books. Book 12: The history of Russia since ancient times. Vols. 23-24. Moscow: Mysl' Publ.; 1993. 688 p. (In Russ.)
2. Platonov SF. Full course of lectures on Russian history. Moscow: Higher School Publ.; 1993. 736 p. (In Russ.)
3. Klyuchevski VO. Collected works: In 9 vols. Vol. 4: The course of the Russian history. Part 4. Ed. by VL. Yanin. Afterword and comm. by VA. Alekandrov and VG. Zimina. Moscow: Mysl' Publ.; 1989. 398 p. (In Russ.)
4. Notes of the court jeweller Pozier about his stay in Russia from 1729 to 1764. *Russian antiquity*. Vol. I, no. 1-6. Saint Petersburg: published by V.I. Golovin, 15 Vladimirskaia str., 1870. P. 41-127. (In Russ.)
5. Letters from lady Rondeau, the wife of the British resident to the Russian Court in the reign of the Empress Anna Ioannovna. Transl. from Engl. by E.P. Karnovich. Ed. and comm. by S.N. Shubinskii. Saint Petersburg: published by YaA. Isakov, Skaryatin Printing House, 1874. 298 p. (In Russ.)
6. Münnich BC. von. Notes of Field Marshal Count Münnich. Transl. from French. Ed. and comm. by SN. Shubinskii. Saint Petersburg: published by YaA. Isakov, 1874. 406 p. (In Russ.)
7. Anisimov EV. Russia in the middle of the 18th century. The struggle for the heritage of Peter. Moscow: Mysl' Publ.; 1986. 239 p. (In Russ.)
8. Grigoriev SI. Court censorship and the image of the Supreme power (1831-1917). Saint Petersburg: Aletheia Publ.; 2007. 408 p. (In Russ.)
9. Decree on sending cats to the court. 1745. Rep. of AG. Puparev. *Russian antiquity*, vol. III, no. 1–6. Saint Petersburg: published by V.I. Golovin, 1871. P. 642-43. (In Russ.)

10. Vrangeli NN. Empress Elizabeth and the art of her time (about the exhibition “Lomonosov and Elizabethan time”). *APOLLON*. 1912;7:5-21. (In Russ.)
11. Complete collection of laws of the Russian Empire compiled at the behest of Emperor Nicholas Pavlovich. The first corpus. From 1649 to 12 December 1825. Vols. 11–15. Saint Petersburg: printed in the Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancery, 1830. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина М. Чирскова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; im-chir@yandex.ru

Information about the author

Irina M. Chirskova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; im-chir@yandex.ru